

Ли Баого с материнской заботливостью ответил: «Не надо, я велю принести. Господин Наместник проснулся? Не приготовить ли ему еды? Он целый день ничего в рот не брал.»

Лу Чжэнмин нахмурился: «Целый день без еды и питья?»

Ли Баого подтвердил и, немного помедлив, тихо добавил: «Господин Наместник слаб здоровьем, будьте, господин, поосторожнее, не причините ему вреда. И... в некоторых делах тоже знайте меру, чрезмерность тело губит.»

Лу Чжэнмин, после краткого молчания (и, несомненно, лёгкого шока), с наглой покорностью кивнул: «Понял.»

Хэ Сы: «.....»

Чёрт возьми, что это с вами, Четыре Великих Хранителя? Вы все с виду прямые, как копья, так откуда же в вас такие познания в делах мужей с мужами?

И почему вы все, сговорившись, решили, что он непременно будет... внизу?

Хэ Сы взбесился до состояния дубины. Он не знал, кого прибить первым — Ли Баого, этого типа Лу или же самого себя.

Вскоре Лу Чжэнмин вернулся, зажав в одной руке горячую грелку, а в другой неся поднос с лёгкой кашей и простыми блюдами.

Хэ Сы, уже «успокоившийся», с холодным лицом выхватил у него грелку. Краем глаза он заметил покрасневшую от ожога руку, но лишь раздул ноздри, ничего не сказав. Молча он съел больше половины каши, оставил пиалу, взял платок и неспешно вытер губы: «Поддай доклады со стола.»

Он решил: раз уж послушаться приказа он не в силах, то почему бы не использовать Лу Чжэнмина в своих целях? В конце концов, кого ни гонять, разница невелика.

Лу Чжэнмин, нахмурившись, посмотрел на недоеденную кашу, но ничего не сказал. Вместо этого он покорно перенёс стопку докладов и письменные принадлежности с конторки на прикроватный столик.

Хэ Сы обращался с ним точно так же, как с Чжао Цзинчжуном или Ли Баого — без тени неловкости взял кисть с красной тушью и принялся просматривать сегодняшние мемориалы.

Лу Чжэнмин тихо стоял в стороне, изредка подливая чай или подавая воду. В остальное время он был подобен воздуху.

Последние доклады были пустыми. Большинство восхваляли грядущий Новый год и пророчили государству новые свершения. Искали слова, не жалели красок. Императору всего восемь лет, а они уже пророчили ему мир и процветание до восьмидесяти, да ещё и каждый своими, неповторимыми словами. Хэ Сы страстно желал вывести на полях резолюцию: «Лесть — путь в никуда!»

Все эти академики, министры и заместители — как вышло, что они льстят пуще него, евнуха?

Хэ Сы томно вздохнул в восемнадцатый раз. Великая Янь, похоже, катится к закату...

Закончив с докладами, он швырнул кисть, глубоко выдохнул, поднял чашку и сделал большой

глоток чая, чтобы промочить горло. Подняв голову, он вдруг заметил фигуру перед собой и на мгновение забыл, как этот человек тут оказался.

Лу Чжэнмин, время от времени подливая чай, от нечего делать взял с полки книгу и теперь читал, полностью погрузившись. Услышав лёгкий звон фарфора, он, не поднимая глаз, машинально потянулся за пустой чашкой, чтобы долить воды.

Но пальцы его коснулись не холодного фарфора, а тёплой и мягкой кожи.

***

Сердце Лу Чжэнмина дрогнуло, и в нём зазвучал тихий отзвук. Кончики пальцев, да и сама душа запомнили это мимолётное тепло.

Ему страстно захотелось крепко сжать эту руку, но он боялся снова вызвать гнев. Такая дилемма — между желанием и страхом — была для Лу Чжэнмина, прошедшего огонь, воду и медные трубы, впервые. Невольно он проследил взглядом за пальцами, встретив спокойный взгляд Хэ Сы.

Хэ Сы не был ни разгневан, ни смущён. Он даже ткнул пальцем в Лу Чжэнмина и нахмурился: «Убери. Не надо больше воды.»

Что он, бочка, что ли, чтобы его так наполняли? Вечером он и так выпил жидкой каши, а теперь ещё и чаем залился. Неужели сегодняшняя ночь пройдёт на ночном горшке?

Взгляд его был слишком спокоен. Все порочные фантазии Лу Чжэнмина развеялись, словно их окатили ушатом ледяной воды. Он посмотрел на груды докладов у изголовья кровати и вдруг почувствовал, что его мечтания в этот момент были чем-то вроде кошунства.

Правитель Великой Янь слаб, а слухи о всевластии дворцовых евнухов разнеслись по всем четырём морям. Предыдущий глава Восточной палаты, старый Наместник, был так известен своими злодеяниями, что о нём слышали даже в государстве Цзинь. Узнав, что глава Восточной палаты сменился, Лу Чжэнмин провёл тщательную подготовку, чтобы обезопасить свои планы и себя. Он досконально изучил привычки нового Наместника, но тот до своего назначения был совершенно неизвестен — всего лишь учеником дворцовой школы, не занимавшим в Восточной палате даже формальной должности.

Лишь один слух был точным: все говорили, что лицо его невероятно прекрасно.

Если бы император не был столь юн, возможно, власть в Великой Янь и впрямь полностью перешла бы в руки евнуха.

Лу Чжэнмин подготовил множество уловок, чтобы справиться с этим «прекрасноликим» Наместником. Но в тот миг, когда он увидел его впервые, что-то незримое, словно тонкая игла, тихо вонзилось ему в сердце.

Наверное, у всех мужчин есть этот порочный корень. Высокопарно называя это любовью с первого взгляда, низменно же — вожделением к красоте.

А теперь, под этой прекрасной оболочкой, Лу Чжэнмин, казалось, начинал постигать истинную суть этого Наместника Восточной палаты. Он видел его в беспомощности, на грани жизни и смерти; видел, как тот унижал гвардейцев; а сейчас видел, как он, больной, со всем усердием разбирает доклады за малолетнего императора.

Нынешняя Великая Янь похожа на яркую бумажную ладью. Малолетний государь, слабые гражданские чины, дряхлые военачальники — всё это делает державу лёгкой добычей для внутренних смут и внешних угроз.

Прежде мысли Лу Чжэнмина совпадали с мыслями Хэ Сы: Великая Янь обречена. Вопрос лишь в том, когда.

Но сегодня он в этом уже не был так уверен. Ибо, возможно, под этой мишурой благополучия есть такие люди, как Хэ Сы, что, невзирая на дурную славу, пытаются своими руками удержать этот тонущий в бурю корабль.

К счастью, Хэ Сы не владел искусством чтения мыслей. Услышь он сейчас думы Лу Чжэнмина, он бы, наверное, выплюнул лёгкое.

Много думаешь, юноша. Он всего лишь хочет спокойно дожить до отставки. Лишь бы сановники не строили козней, государь не бесчинствовал, а народ не бунтовал. Больших стремлений у Хэ Сы нет.

А сейчас Хэ Сы изнывал. Приближалось время сна. Как же ему пригласить этого типа Лу в постель для «чистого» разговора под одеялом?

Он не боялся, что Лу Чжэнмин будет вести себя неподобающе — здесь, в Секретариате, тот не посмеет. Гораздо больше он опасался, что сам, во сне потеряв голову, набросится на того и «овладеет» им.

Ну, овладеет так овладеет. Всего-то гвардейский сотник. Будь он его приёмным отцом, тот бы, проснувшись, сидел на кровати, держа в зубах курительную трубку, небрежно выпускал дымное колечко и, шлёпнув по лицу Лу Чжэнмина ассигнацией на восемьсот лян, сказал бы: «Молодец, не плачь. Служил хорошо.»

Но вот вопрос: где бедняге Хэ Сы взять эти восемьсот лян, чтобы шлёпнуть ими по лицу Лу Чжэнмина?

Внутри Хэ Сы выл, но внешне сохранял невозмутимость. Он поднял веки, бросил взгляд на тёмное окно и медленно спросил: «Снег ещё идёт?»

Лу Чжэнмин, даже не глядя, бойко ответил: «Идёт. Крупными хлопьями.»

За дверью Ли Баого, уловив ключевые слова, покосился на чистое небо, крикнул и снова склонился над вышивкой.

Пион у него был уже готов. Теперь он вышивал феникса — получалась картина «Феникс среди пионов».

Хэ Сы, видя, как Лу Чжэнмин без тени смущения лжёт, едва не дёрнулся углом рта. Он вздохнул и с видом крайней неохоты промолвил: «Что ж, в этот час дворцовые ворота уже на запоре. Тебе не выйти.»

Глаза Лу Чжэнмина вдруг вспыхнули. К счастью, зрение у Хэ Сы в тот момент было не ахти. Увидь он этот взгляд, он бы, наверное, давно уже пнул того с кровати — где уж тут было бы оставлять его ночевать.

<http://bllate.org/book/16284/1467178>